

Юрий Бондарев... Это имя хорошо известно всей читающей России и представлять его нет большой надобности. И тем не менее, в год столетия со дня его рождения, до которого он не дожил всего четыре года, поразмышлять о творчестве этого выдающегося писателя, о нем самом как о незаурядной личности, гражданине, истинном патриоте, мыслителе, все же необходимо.

Проходят годы, время не стоит на месте и жизнь нам буквально каждый день предоставляет целый поток информации, разобраться в которой просто невозможно. И на этом событийном фоне, в дни, когда наша страна продолжает свою битву с силами коллективного Запада, задумываясь о Бондареве, убеждаюсь в том, что моё восхищение широтой и глубиной, многогранностью его личности не ослабевает.

Так в чем же своеобразие и уникальность писательского дара Бондарева? Чем смог он так увлечь читателя? Почему его герои, спустя годы после знакомства с ними на страницах написанных им книг, не забываются, а очередное прочтение той или иной вещи каждый раз заставляет задуматься и наталкивает на новые переживания? Да и вообще, что же привело его на непростой литературный путь?

О том, как он стал писателем, Юрий Васильевич рассказывал: «Помню: осенний дворик, морящий дождь, низкое небо, стук капель по железу, запах ремонта – сырой известки и какое-то грустное волнение как предощущение чего-то. Или зимним вечером возвращаюсь из школы и неотрывно смотрю на белые рои снежинок, медленно плывущих в длинных конусах света от фонарей. Теперь мне кажется, что стремление передать все это, смутный толчок к писательству возник именно тогда, в детстве, в замоскворецких переулках».

Но между школьными годами и тем моментом, когда Бондарев воплотит в жизнь так рано проснувшийся в нем интерес к литературному творчеству, была война, сыгравшая ключевую, решаю-

подготовки, не имея за плечами никакого жизненного опыта, необходимых знаний и закалки. У них не было на всё это времени – будучи, по существу, мальчишками, им пришлось взрослеть и мужать в небывалой доселе в мировой истории величайшей битве добра со злом, развернувшейся на их родной земле, земле их отцов и дедов. Но при этом, проявляя беспримерные образцы мужества, героизма, стойкости, воли и выдержки, им суждено было сформироваться в высоконравственных граждан, патриотов, созидателей. Однако немногим из них, родившихся, как и Бондарев, сто лет назад, суждено было вернуться домой после окончания той страшной войны.

В одном из лучших своих романов «Тишина», переносящим нас в первые послевоенные мирные дни, двое молодых героев: один – сержант, ставший инвалидом, другой – вернувшийся в Москву капитан-артиллерист Сергей Вохминцев,

инструктор автоклуба Алексей Греков из повести «Родственники», лейтенант Кузнецов из романа «Горячий снег», командир артиллерийского взвода Вадим Никитин из знаменитого «Берега», командир взвода разведки, лейтенант запаса Александр Ушаков из романа «Непротivление».

Свои ранние повести, принесшие ему известность, бывший фронтовик, получивший ранение на подступах к Сталинграду, командир противотанкового орудия, по меткому выражению критика Юрия Идашкина «мальчик без биографии», с одними воспоминаниями детства, и одновременно – суровый многоопытный мужчина, крещёный в огненной купели», Бондарев, заметивший однажды, что «нам было тогда и по двадцать лет и по сорок одновременно», – писал, вновь погружаясь в незабываемые годы героического и трагического противостояния, пережитого им в военное лихолетье. «Повести «Батальоны просят огня» и

тельный подход дает возможность посмотреть на это несколько шире. Хотя бы уже потому, что самое раннее большое произведение писателя – повесть «Ононья командиров», увидевшая свет в 1956 году, фактически рассказывает о буднях советских воинов, офицеров артиллерийского училища. Затем будут написаны и замечательные роман и повесть, события в которых развиваются в первые послевоенные годы, – «Тишина» и «Родственники». Следовательно, Бондарева никак нельзя считать представителем исключительно так называемой военной прозы.

Да, во всех этих произведениях правда о войне через все пережитое героями этих творений,

через их чувства, через духовно-нравственные испытания и поиски заявляет о себе не менее основательно и содержательно, чем и в сугубо военных вещах – в повести «Последние залпы» и романе «Горячий снег». И все же, даже с учетом того, что Юрий Васильевич совместно с Оскаром Кургановым и Юрием Озеровым выступил создателем сценария выдающейся советской кинопоэмы «Освобождение», запечатлевшей всю гигантскую панораму Великой Отечественной войны, и за работу над которым писатель будет удостоен Ленинской премии, он не становится летописцем войны как исторической данности. Бондарева прежде всего интересует и в военных, и в мирных условиях человек, его внутренний, непростой, противоречивый мир, его помыслы, стремления, желания, чаяния. Скрупулезному исследованию этого мира и служит проза писателя, а тема войны выступает лишь тем фоном, пускай и очень существенным, порой, как в романах «Берег», «Выбор», «Непротivление», судьбоносным, на котором более полно раскрывается и постигается философия художнического замысла автора.

Придя в большую литературу со своим видением и восприятием действительности, с глубоким пониманием непреходящего значения духовности, нравственных ценностей и постулатов, Бондарев поступательно, преодолевая раз за разом новые творческие вершины, не довольствуясь ранее освоенными и найденными творческими нивами, какими бы успешными они ни были, весь свой потенциал, талант и мастерство всегда направлял на освоение философского направления в русской советской прозе, которое до него чаще всего связывали с именем Леонида Леонова.

Потому-то Бондарев так упорно и работал над постижением той глубинной связи между прошлым, настоящим и будущим, без чего «люди перестали бы познавать самих себя, бродя по перекресткам жизни как ледяные плоские зеркала, отражаясь в них немymi знаками». Отсюда, из прошлого, с военных лет, когда происходило сугубо нравственное, в жесточайших условиях войны с её суровыми и беспощадными законами, и чисто гражданское становление его Никитина в «Береге», Крымова в «Игре», и в то же время падение Ильи Рамзина в романе «Выбор», как раз и прокладывалась та невидимая, но скрепляющая нить с будущим. Убедительную, мотивированную взаимосвязь дня вчерашнего и сегодняшнего, их причинно-следственную неразрывность писатель блестяще отобразил и в своей маленькой, в какой-то степени даже бытовой повести «Родственники», в которой развернется жизненная драма, заложенная в недалеком прошлом, когда вопреки кровному родству совершаются большие подлости и предательство. Но в жизни за всё необходимо расплачиваться, в том числе и за преступления без срока давности. Сам себе вынесет приговор и Илья Рамзин из романа «Выбор», однажды предавший Родину и в результате отвергнутый даже собственной матерью.

...Рамзина, бесспорно, как личность погубят его непомерное честолюбие и экзальтированная

страсть к жизни. Жизнь, нет, скорее существование на чужбине, горькое одиночество приведут Илью Рамзина к последнему выбору – добровольно уйти из жизни и быть похороненным на родной земле. Вот так, в конечном итоге, завершится земное прозябание человека с хорошими задатками, небесталанного, но сломленного, не выдержавшего убийственного напора жизненных испытаний и обстоятельств, пошедшего однажды по ложному, недостойному русскому человеку пути.

Во всей этой драме, в основе которой находились элементарные человеческие пороки, как и в «Последних залпах», «Тишине», «Береге», «Игре», «Искушении», «Непротivлении», «Без милосердия», «Родственниках» Бондарев во всех красках своего художнического дара воссоздает острую проблематику лобового столкновения противоположных идейно-нравственных взглядов и позиций. И в этом противостоянии, а оно, как известно, сопровождает нас на протяжении всей жизни, позиция Бондарева воспринимается как неподдельная глыба, так как он всецело на стороне добра, справедливости, высоких нравственных идеалов.

Вспоминается спор писателя Никитина с западногерманским собеседником, критиком и публицистом Дицманом, описанный Бондаревым в романе «Берег», доказывающий чрезвычайно важную и не потерявшую своей актуальности мысль. Мы – говорит нам писатель, русские и советские люди, выступаем наследниками всего духовно-нравственного богатства человечества, его лучших и нетленных образов. И мы не просто все это духовное богатство наследовали, но и продолжаем его качественно развивать в новых исторических условиях, как всегда, не сущащих России спокойной и умиротворенной жизни.

«Спор в романе идет о гуманистическом наследии русской культуры и всего человечества», – писал в 1975 году известный русский советский критик и литературовед Феликс Кузнецов. – Никитин яростно отрицает попытку Дицмана присвоить это наследие себе – в целях парадоксальных: для обоснования собственной бездуховности и безнравственности. «Зыбкость границы», границы между добром и злом, – «это ваш Достоевский, самое главное в его романах», – восклицает Дицман. «По-моему, главное в Достоевском – поиск истины в человеке...» – отвечает Никитин. В современном идеологическом споре, утверждается в романе «Берег», вовлечена вся история духовного развития человечества, спор идет по самым сложным и глубоким категориям развития человеческого духа, – и мы не можем не выиграть этот спор».

Да, спор с западным миром продолжается. И он уже давно приобрел цивилизационный характер, чему убедительным свидетельством служат последние тревожные события, разворачивающиеся в Европе, на Ближнем Востоке и других частях планеты. Сможет ли Русский мир выйти из него победителем? Одолеем ли мы эти силы коллективного и разнузданного зла? Хочется верить, что одолеем... непременно одолеем.

«Художественные открытия Бондарева связаны с новым ракурсом воззрения на мир, с новыми типами героев, которыми, несмотря на сложный комплекс переживаний, сомнения, нелепый путь самопознания, овладевает горячая вера в свое дело, – писал известный литературный критик Николай Федь. – Писатель воссоздает многослойный и неоднозначный процесс духовных исканий современника, которые выступают как самая жгучая и острая потребность эпохи. Бондарев испытывает человека на прочность. Он пишет жизнь как она есть, признавая за ней достоинства и недостатки, каковые ей присущи. Поэтому столь пронзительно звучат хотя бы вот эти его слова: «Я стараюсь поминуть, что литература – это великое переселение из мира внешнего в мир внутренний, что ей дано проводить всеобщую ревизию совести, порицать мировой порок безразличия друг к другу, жестокость, алчность, варварское соперничество с самой природой, которое ведет к гибели природы и человека не только физически, но и через сознание собственной вины».

(Полная версия – на сайте ДЛ)

Руслан СЕМЯШКИН

Жить по совести

К 100-летию со дня рождения Юрия Бондарева

встретившись у бужетной стойки, обмениваются такими, в полной мере относящимися к самому автору словами:

«– А ты капитан? Когда же успел? С какого года? Лицо-то у тебя...»

– С двадцать четвертого, – ответил Сергей.

– Счастлив-и-вец, – протянул Павел и повторил твердо: – Счастливеец... Повезло.

– Почему счастливеец?

– Я, брат, по этим врачам да комиссиям натаскался, – заговорил Павел с хмурой веселостью. – «С двадцать четвертого года? – спра-